

Т.П. Григорьева

От гармонии к хаосу

Из чего все вещи получают свое рождение, в то они и возвращаются, следуя необходимости. Все они в свое время наказывают друг друга за несправедливость.
Анаксимандр

Почему Хаос на протяжении веков преследует человека, то и дело ввергая его в бездну? Почему с Хаосом смирялись даже великие умы, ощущая его невидимое присутствие, «шевеление»?¹ Не потому ли, что верили в его неизбежность, имманентность Бытию, где тьма — оборотная сторона света, зло — оборотная сторона добра, сила разрушения противостоит силе созидания. Для Платона Хаос — «состояние древнего беспорядка», «великая неразбериха», предшествующая Космосу², и никуда от этого не деться. В последнее время обостряется ощущение Хаоса, и богословы предлагают разделить его функции, говорить о творческом Хаосе как потенции сущего, Ничто, из которого Бог все сотворил (нечто вроде Вакуума в современной физике). Но тогда как быть с Востоком, где нет идеи творения и первичного хаоса?

Не отдавая себе отчета в том, насколько различно отношение к изначальному на Западе и Востоке, невозможно понять все остальное. Функциональная асимметрия — закон Целого, т. е. мировая целостность сама по себе предполагает сущностное различие, дополнительность сторон. Мировая ткань плетется утком, снующим по неподвижной основе туда-обратно. Это всеобщий закон, действующий на макро- и микроуровне, в жизни человека и человечества. И связь Востока—Запада на высшем уровне постоянна, задана; в эмпирии же все движется туда-обратно. Говоря словами японского поэта Китамура Тококу (1868—1894), «поток стремится с Востока на Запад и с Запада на Восток, страны света являют собой лишь разные стороны великого мира идей... Все высшие проявления человеческого духа сообщаются меж-

¹ «Хаос, т. е. само безобразие, есть необходимый фон всякой земной красоты, и эстетическая ценность таких явлений, как бурное море, зависит именно от того, что под ним хаос шевелится» (Соловьев Вл.С. Сочинения. М., 1994. С. 214).

² Платон. Политика, 273 А-Е.

ду собой». Но сообщаются именно потому, что в чем-то по необходимости не похожи: подобное не может взаимодействовать.

Признание Хаоса неизбежностью есть следствие определенного типа мышления, исходящего из дуальной модели мира, закона борьбы противоположностей как движущей силы Вселенной, что вытекает из доминирующего мировоззрения древних греков. Не случайно Плотин признал в «двоице» Пифагора первое различие и «дерзость», приведшие к распадению Единого на множество, а вследствие того, что ум отпал от Единого, полагал он, отпала от ума душа. Мудрость таких греков, как Гераклит, не изменила положения: «Не понимают, как расходящееся с самим собой приходит в согласие, самовосстанавливающаяся гармонию лука и лиры»³. Не пришло понимание и в последующие века, так что путь противостояния одной стороны Целого другой стороне того же Целого привел к полному разъятию сторон, к их несовместимости, в конечном счете — к «войне всех против всех», по словам Гоббса.

Но высшая Реальность едина, не знает раздвоенности, противопоставления света—тьмы, добра—зла. «Бог есть свет, и нет в нем никакой тьмы»⁴. Ощущение Хаоса в христианстве появилось после грехопадения, распознания добра и зла. Грехопадение коснулось всего тварного мира, не избежало его и христианство, утратившее целостность⁵. Ни в буддизме, ни в даосизме нет представления об изначальном Хаосе⁶. Хаос образуется помраченным, хаотическим сознанием, ткущим паутину иллюзорного мира, майи⁷. Т. е. совершенен изначальный порядок, извечное Дао, которое ведет сущее к Благу. Совершенен закон Великого Предела (Тайцзи), где инь-ян пребывают друг в друге, ограждая мир от губительной односторонности. «Великое Дао, находясь в бесконечном движении, не достигает Предела. Не достигая Предела, возвращается к истоку»⁸. Возвращение к истоку означает полноту покоя, невозмутимость, когда открывается «воля Неба». Покой и движение также недвойственны: покой — первичен, движение — вторично, возникает из покоя и устремляется к нему.

Когда инь и ян приходят в движение, они соотносятся с естественным ритмом. Одно прибывает, другое убывает, как в Природе: постепенная смена дня и ночи, светлого и темного. Движение само по себе двусторонне, идет туда-обратно (шунь-ни), по горизонтали; и по вертикали —

пройдя цикл развития, восходит к следующему. Самообразуясь из Ничто (У), непроявленной полноты сущего, развитие идет по спирали. Инь-ян не вступают в борьбу, ибо присутствуют друг в друге как две стороны Целого. Есть лишь одна ситуация в Книге Перемен (Ицзине), когда инь и ян расходятся в разные стороны: верх и низ меняются местами, прерывается связь Земли с Небом и наступает всеобщий Упадок (Пи — 12-я гексаграмма Ицзина). Но эта противоположная ситуация не может продолжаться долго, она выравнивается по мере того как люди осознают ее опасность и ведут себя сообразно, следуют Срединному Пути — не борьбы, ведущей к дурной бесконечности, а Недеянию (Увэй), ненарушению всеобщих законов Вселенной, что приводит к устранению Упадка и переходу к более благоприятной фазе.

Значит, есть альтернатива борьбе противоположностей и тому, к чему она с неизбежностью приводит. Если Хаос не изначален, значит, конечен, может быть преодолен, но не тем путем, как стремились сделать это греки, полагаясь на себя, а не на мысли мудрецов. Логос присущ всем, говорил Гераклит, но большинство живет так, как если бы имели собственное понимание. Однако от этого им не становится лучше. Идея Хаоса понадобилась грекам для переустройства неустроенного, для чего они и отделили человека от мира, тем самым утратив с ним связь. Но греки пошли на это, взяли на себя роль творцов, созидателей, и, видимо, была в том высшая Необходимость: поверить в себя, возбудить жажду познания. В этом греки преуспели, заложив основы искусства и науки. Но ради власти (архе) они шли на все. Сын Урана, Кронос, оскотил Небо, и греки остались без духовной поддержки. (По Конфуцию: «Не зная воли Неба, нельзя стать истинным человеком».) Божество Ночи, Нюкта, потрясенная свершившимся, наслала на человечество такие напасти, как ложь, войны, голод, смерть, от которых человек до сих пор не может избавиться, все глубже завязая в войнах, обрекающих его на Хаос.

Не зная Великого Предела, греки уподобили человека богу, поставив себя в центр Вселенной. Но по закону парадокса, — так кажется непросвещенному, а просвещенный назовет его законом Середины, или Дао, — искусственный, надуманный центр непременно смещается на периферию. Антропоцентризм привел к тому, что над человеком возвысился вечный Господин, каждый раз кто-то или что-то властвует над его волей, разру-

³ Гераклит. Фрагменты. В 51.

⁴ Первое посл. от Иоанна, 1, 5.

⁵ Разногласия в христианском мире приводили в недоумение японских христиан, неопитов, таких, как Утимура Кандзо (1861—1930): «Неверующие противостоят христианству, римский католицизм — протестантизму, унитаризм — православью. Человечество раскинуло свои палатки, одна часть против другой, одна секция одной части против другой секции той же части... Не только отдельные люди не доверяют друг другу, но человечество в целом — как порождение ехидны, человеконенавистники, потомки Каина!» — писал он в начале XX века (Григорьева Т.П. Пророки Японии. Утимура Кандзо // Человек. 1994, № 6. С. 129—140).

⁶ Я пыталась показать это в работе «Дао и Логос», но безуспешно сражаться с «архетипами». Это тема будущего, к ней еще будут возвращаться.

⁷ Правда, помраченное сознание (авидья), волнение дхарм — изначальное, но конечно, оно не составляет сущности мирового процесса. Все дхармы устремлены к блаженному покою, нирване, доступной просветленному сознанию, снимающему вибрацию дхарм. Буддизм — учение о всеобщем спасении. Как сказано в «Лотосовой сутре», «все дхармы изначальны спасены». И это само по себе говорит о том, что не Хаос, а изначальная Просветленность (Бодхи-читта), или Разум Будды лежит в основе сущего.

⁸ Лао-Цзы. Дао Дэ Цзин, 25.

шая ее, будь то начальник, ложное искусство или ложная мораль, будь то техногенная цивилизация, поглощающая человека, низводящая его до роли слуги. Князь мира сего постоянно возбуждает ситуацию Хаоса, лишая человека личной свободы, предоставленной ему Богом, внушая ощущение бездны, которая рано или поздно его поглотит.

Греки бросили вызов Вселенной, но уже римлянин Сенека осознал бессмысленность борьбы: «Мы не можем изменить мировых отношений. Мы можем лишь одно: обрести высокое мужество... и с его помощью стойко переносить все, что приносит нам судьба, и отдаться воле законов природы»⁹. С тех пор и не могут найти ответ: как избавиться от неизбежного стремления к свободе «в субъекте и необходимости объективного» (Шеллинг). Человеку ничего не оставалось, как поступаться все более собственной душой, что не могло не привести к торжеству фаустовского духа. Если продана душа, все дозволено. Сверхчеловек Ницше не смог вырваться из замкнутого круга к свободе, ради которой был готов на все. Разочаровавшись в том, что превозносила традиционная мораль, обманувшая надежды человека, Ницше вернулся к грекам, чтобы начать все с начала, с греческого Хаоса досократовских времен, мечта соединить дионисийское и аполлоновское чувство¹⁰.

Его Заратустра зывал к инстинктам: «Горе! Приближается время, когда человек не пустит более стрелы желания своего выше человека, и тети-ва лука его разучится дрожать!

Я говорю вам: нужно носить в себе еще хаос, чтобы быть в состоянии родить танцующую звезду. Я говорю вам: в вас есть еще хаос»¹¹. Никуда от него не уйти, нужно стать «по ту сторону добра и зла», довериться «потоку жизни», а не искать смысла в том, что его не имеет. Раз есть только хаос, нужна воля человека, чтобы устоять и выстроить свой мир. «И то, что называете вы миром, должно сперва быть создано вами, — продолжал Заратустра. — Прочь от Бога и богов тянула меня эта воля; что осталось бы созидать, если бы боги существовали»¹². Ницше называл вещи своими именами, мечта завершить задуманное греками. Он тоже не жаловал Небо и звал к Земле: «Я закливаю вас, мои братья, оставайтесь верны земле и не верьте тем, кто говорит вам о надземных надеждах!» И потому «Я учу вас о сверхчеловеке. Человек есть нечто, что должно превзойти»¹³.

Общество бессильно что-либо изменить, оно даже не в силах «извергать из себя вредные ему элементы». На сей раз деструктурирующую функцию Хаоса взяла на себя поднимавшаяся масса, одержимая духом стяжательства. «Проблема: как истощенные достигли того, чтобы стать законодателями ценностей? Или иначе: как достигли власти те, которые последние? Как инстинкт зверя-человека стал вверх ногами?»¹⁴ Кольцо «вечно-го возвращения» не могло дать спасения, вывести к свободе, отталкиваясь от сомнительной идеи: «власть целого требует самопожертвования отдельного», или столь же сомнительного постулата, с помощью которого потом оправдывали злодеяния: цель оправдывает средство. И отсюда вывод: «Слабые и неудавшиеся должны погибнуть: первое положение нашего человеколюбия». По крайней мере, откровенно.

Если «Бог умер», умирают и угрызения совести. И тогда действительно никакого просвета. Без Неба и Земля погибает, как тело без души. К тому же время греческого Хаоса давно миновало.

Кажется, Декарт сказал: определяйте значение слов, и вы избавите мир от половины заблуждений. А Конфуций предлагал начинать любое дело с «исправления имен». И, может быть, это более всего относится к определению Хаоса, ибо каково время, таков и характер Хаоса¹⁵. Его неуловимое воздействие на психику человека будет продолжаться до тех пор, пока идею Хаоса не выведут из подсознания («темных задворок сознания» — по Юнгу) на уровень светлого сознания. Т. е. пока люди не постигнут его природу, не найдут ему «имя», не убедятся в том, что Хаос не изначален и, стало быть, не вечен. Познанный Хаос перестанет преследовать человека, и он сможет обратиться к себе и увидеть там не бездну содеянного, а неисчерпанные возможности, извечный свет души. Но люди не торопятся, привыкли к Хаосу, как привыкли к не-свободе: боятся заглянуть в себя.

Может быть, для того и появилась эта таинственная синергетика, чтобы отвести злополучному Хаосу должное место в жизни, — не как извечно существующему, а как необходимой функции переструктурирования, рождения новой формы, как созидательному моменту эволюционного развития. Своего рода космический акушер. И не в этом ли нравственное назначение синергетики, чтобы вывести со-

⁹ Цит. по: Антология мировой философии. В 4 т. Т. 1. М., 1969. С. 506.

¹⁰ Интересно сопоставить с русской философией, которую упрекали (в частности, Шпет) в том, что она не опирается на греческую. Но в этом скорее ее преимущество. Так, по крайней мере, полагал П.Я. Чаадаев, отвергавший «гомеризм»: «Для того, чтобы нам вполне переродиться в духе откровения, мы должны еще пройти через какое-нибудь великое испытание, через всеильное искупление, которое весь христианский мир испытал бы во всей его полноте, которое на всей земной поверхности ощущалось бы как грандиозная физическая катастрофа; иначе я не представляю себе, каким образом мы могли бы очиститься от грязи, еще оскверняющей нашу память». И добавлял: «Для нашего времени положительным счастьем является вновь открытая с недавних пор историческому мышлению область, не зараженная гомеризмом. Влияние идей Индии уже сказывается на ходе развития философии чрезвычайно благотворным образом. Дай Бог, чтобы мы возможно скорее пришли этим кружным путем к той цели, к которой более короткий путь до сих пор не мог нас привести» (Чаадаев П.Я. Философические письма. В кн.: Сочинения и письма. Т. 2. М., 1914. С. 170).

¹¹ Ницше Ф. Так говорил Заратустра. СПб., 1911. С. 10.

¹² Там же. С. 5.

¹³ Там же. С. 6.

¹⁴ Ницше Ф. Воля к власти. ПСС. Т. 9. М., 1910. С. 37.

¹⁵ В «Живой Этике» сказано: «Хаос не понят: одни считают его отделенным от Проявленного, другие вообще понимают его как отвличенность. Но если бы люди осознали, насколько Хаос многообразно вторгается в Бытие, они поняли бы нужность осторожности. Каждый диссонанс, каждое разложение, если оно не разрешается немедленно, уже несет волну Хаоса стихий разрушения» (Сердце, 351).

знание из штопора, избавить человека от страха обреченности, от ощущения темной, всепоглощающей бездны? Благо, существует другая «бездна» — светлая, дающая ощущение свободного парения, как в Дзэн: «Совершенный Путь подобен бездне, где нет недостатка и нет избытка. Лишь оттого, что выбираем, теряем его. Не привязывайтесь ни к чему внешнему и не живите во внутренней пустоте. Когда ум покоится в единстве вещей, двойственность сама собой исчезает»¹⁶. (В чем-то это близко представлениям стоиков: по словам Секст Эмпирика, «хаос есть место, вмещающее в себя целое».)

Все вторичное зависит друг от друга, естественно, от времени, от сознания. И все же есть одно качество, которое присутствует в Хаосе постоянно, это множество, не одухотворенное Единым. «Душе, ушедшей от себя, нанесет удары некая огромность, и душу мучит подлинная нищета, ибо по природе своей вынуждена она искать всюду единое, а множественность этого не позволяет»¹⁷. Однако и множество какое-то время можно насильно удерживать в единстве, обходясь без духовной поддержки, но почему-то неминуемо происходит взрыв, коллапс. Все искусственные образования, несправедливые союзы распадаются. Римскую империю погубила унификация. И на наших глазах вдруг рухнули все империи, без особого внешнего вмешательства, более по внутреннему закону, как противоречащие Пути, закону высшей Справедливости, не допускающему существование одного за счет другого.

Уже греческий мистик Эмпедокл открыл, что соединение однородного приводит к Ненависти, Вражде (Нейкосу). Видимо, по той простой причине, что однородное не может взаимодействовать и потому не жизнеспособно. Каждая сущность стремится к индивидуальному завершению, и никакое насилие в конце концов не может этому воспрепятствовать. Потому и синергетика изучает не одномерные вещи, которых, собственно, в природе нет, а нелинейную среду, что позволяет находить путь от хаоса к порядку, от дробного мышления — к целостному. Часть в принципе не может быть свободной, а то, что не может быть свободным, отторгается Бытием. Все части подобные как не имеющие души, всякое целое индивидуально как имеющее душу. Еще Платон говорил — погибает составное, состоящее из частей, целое же — дух, идея — бессмертны. И то же говорит Будда: состоящее из частей подвержено разрушению, но не подвержено разрушению то, что извечно.

Лев Толстой называл сплоченность массы «злом мира»¹⁸. И Николай Бердяев не раз возвращался к мысли, что мировое зло — в социальной соподчиненности: «духовный мир есть царство

индивидуального, единичного, личного, царство свободы. Дух знает лишь единичное»¹⁹. Т. е. жизненно лишь единство разного, не ущемленного, способного к саморазвитию. Когда сущность достигает завершенности, тогда и начинает взаимодействовать с другими. Этот тип самопроявления Единого в единичном Владимир Соловьев назвал «положительным всеединством», или соборностью. Это всегда выход из замкнутого состояния, сосредоточенности на собственном эго к открытости, к свободному общению со всем миром. (Слово «свобода» — русского происхождения; для Алексея Степановича Хомякова свобода означала быть самим собой: если не будешь самим собой, каков ты есть на глубине, то никакое истинное общение невозможно ни с Богом, ни с людьми. Кстати, философ проявлял большой интерес к китайским учениям и ставил Конфуция «выше всех философов в целом свете».)

Отсюда и бунт против «части», препятствующей свободе, самостоянию человека. И чем больше нивелируется масса, тем сильнее возрастает потребность индивидуализации. Тенденция к централизованности, индивидуализации общего нашла философское обоснование у таких неклассических мыслителей, как Лейбниц или Вильгельм фон Гумбольдт. Неудивительно, что тот и другой проявлял и интерес к восточным учениям. Лейбниц писал об Ицзине, о китайском понятии *ли* — внутренней форме, присущей каждой вещи и делающей ее неповторимой и единой, ибо *ли* и всеобщий закон, и индивидуальная структура. Лейбниц называл *ли* «перводвигателем и причиной всех вещей», природным и моральным принципом. Как и в монаде, в *ли* заложена своя «программа», которой предназначено осуществиться, притом каждая сообразуется с действием другой. Это сходство привело Лейбница к мысли о единстве Божьего промысла.

Что касается Гумбольдта, то он предчувствовал: «в индивидуальности заключена тайна всего бытия». Все причастно Целому, будучи целостным по природе: «Мною движет глубокое чувство того, что все рождающееся в душе, будучи истечением единой силы, составляет одно большое целое и что все единичное, словно овеваяное тою же силой, должно нести на себе признаки своей связи с этим целым»²⁰. Гумбольдта можно считать предтечей персонализма XX века: «Выявление человеческой духовной силы... есть высшая цель всего движения духа, окончательная идея, которая должна явственно вытекать из всемирно-исторического процесса, ибо возвышение или расширение внутреннего бытия — вот то единственное, что отдельная личность, насколько она к этому причастна, вправе считать своим нетленным при-

¹⁶ Сэнцань. Доверяющий разум. (Третий патриарх чань в Китае, умер в 606 г.) Цит. по: Zen Buddhism. D.T. Suzuki, N.Y., 1961. P. 197.

¹⁷ Бл. Августин. О порядке, 1, 2.

¹⁸ «Люди, связанные друг с другом обманом, составляют из себя как бы сплоченную массу. Сплоченность этой массы и есть зло мира. Вся разумная деятельность человечества направлена на разрушение этого сцепления обмана. Все революции суть попытки насильственного разбивания этой массы... но сцепление частиц не уничтожится, пока внутренняя сила не сообщится частицам массы и не заставит их отделяться от нее» (Толстой Л.Н. В чем моя вера?).

¹⁹ Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. (Опыт персоналистической философии). Париж, 1939. С. 64.

²⁰ Цит. по: Григорьева Т.П. Встреча с Гумбольдтом — встреча времен // Иностранная литература, № 8, 1987. С. 213—236.

обретением, а нация — верным залогом будущего развития новых великих индивидуальностей»²¹.

Вне завершенной личности невозможна свобода, а вне свободы ничто состояться не может. Прежде чем искать смысл человеческой жизни, нужно было прервать тьму тотальной зависимости. Эта потребность нашла выражение у русских философов в идее прерывности одномерного, плоскостного мышления, блокирующего свободу. «Каждый перерыв — это та реальная, в пределах нашего мира лежащая точка, где два мира: мир «этот» и «тот», мир сущего и существующего, мир абсолютной свободы и мир причинной обусловленности соприкасаются в реальном взаимодействии. И это соприкосновение, как огонь палящий, сжигает всю шелуху естественного развития... а подлинно ценное продолжает свой рост»²². Идея прорыва к Духу, к небесному плану объединяла не только философов — Бердяева, Флоренского, но и писателей — Достоевского, Толстого. Это было условием рождения свободной личности, воспринятой персонализмом как единственно возможный путь спасения. Предшественником персонализма был уже Герцен, призывавший к «борьбе свободного человека с освободителями человечества», не принимая во внимание тех усредненных, которые «под равенством понимают равномерный гнет».

Свобода, по Бердяеву, первична, «добытийна», дана человеку изначально, но он исказил ее смысл, впад в рабскую зависимость от других и от самого себя. Само мышление, основанное на соподчинении частей, делает свободу недостижимой. «Сознание подчинено закону, который знает общее и не знает индивидуального... Самая структура сознания легко создает рабство». Потому это «несчастное сознание»²³. Выход из рабской зависимости Бердяев видел в изменении структуры сознания, которое называл сингулярным, — когда каждая сущность имеет свой центр, что и делает возможным ее самозавершение и свободное общение с другими.

Но прозревали Истину немногие, и тех, кто прозревал, выдворяли из России. Преследовали именно за непохожесть: не такой, как все, — значит, чужой. Отбор неугодных в любой сфере шел именно по этому принципу — похож или не похож на всех. Отсев шел в обратном порядке и привел к той самой плоскости, однородности, которая порождает хаос. Д. Мережковский писал в статье «Большевизм и человечество»: «Плоские борются против глубоких, чтобы их истребить — или сделать себе подобными. В этой борьбе на стороне плоских большие преимущества, ибо глубокие могут только медленно передвигаться, преодолевая разнообразие препятствия; глубокие поднимаются на вершины и падают в пропасти, но плоские маневрируют с поразительной легкостью, не встречая никаких препятствий... Слишком часто у глубоких бывают разногласия: ведь они не равны между собой и глубоко индивидуальны, они стре-

мятся к свободе, между тем как плоские едины в своей стадности в силу безличия и стремления к абсолютному равенству... Главным преимуществом плоских над глубокими является ложь»²⁴.

Эта проблема гораздо глубже, чем может показаться. Еще раз напомним Эмпедокла: однородность ведет к раздору, как негодная высшему Разуму, закону Вселенной. Кристаллообразная, квантовая или фрактальная форма, свойственная физическому и духовному миру, сплющивается в мертвый материал. Назови это Хаосом или саваном Жизни, «измы» не меняют положения, все происходит вопреки им. То, что Бердяев имел в виду под «буржуазностью», не зависит от строя. Это осадок истории, а не ее смысл. «Буржуазия имеет непреодолимую тенденцию создавать мир фиктивный, порабощающий человека, и разлагает мир подлинных реальностей... Буржуа не чувствует конца и страшного суда... сам буржуа эсхатологическая фигура — один из концов мировой истории»²⁵. Т. е. буржуазность, социальная или психологическая, есть источник, знамение Хаоса, но хаоса преходящего.

Мир дошел до такой степени истощения, неустойчивости, что сплоченная масса, ощущая возможность Конца, готова отдать бразды правления в руки единиц. Со времен греков известно: «ум двигает массу», а не наоборот. И, значит, опять брошен вызов Хаосу, но теперь уже на другой основе: свободы не от упорядоченного беспорядка, а от самого себя, от тварной, греховной природы человека. И странно было бы думать, что Хаос не окажет сопротивления. Оно и видно: все стихийные силы, как лава, вырвались наружу. Прокатились по XX веку волны контркультуры, и в этом прежде всего вина сама культура, отпавшая от Духа. Движение хиппи к высокому, не преодолевшему низкие влечения, а в наше время зеленые, антиглобалисты, — все это признаки наступления нового эона, но человек так долго жил в Хаосе, что он вошел в его плоть и душу, и когда еще очистится. Однако очистится неизбежно, ибо не Хаос ему задан, а Благодать.

Но пока что человек пребывает в Великом потопе, избегая Мирового огня, карающего и очищающего. Пока что, ощутив необходимость свободы, свел ее к абсолютному отрицанию. Говорят уже об «отрицательной диалектике», когда прерывается связь между тезисом и антитезисом и невозможен синтез, ломают казавшуюся незыблемой гегелевскую триаду во имя полной свободы от Необходимости. Таково следствие «репрессивной культуры» общества потребления, породившего «одномерного человека» (Г. Маркузе). Радетели обновления человеческой психики надеялись, что абсолютное отрицание современного общества приведет к «новой чувственности», к «новым институтам свободы», способным восстановить человеческую природу неподавленных влечений. Но все эти крайности есть тот же Хаос в перевернутом виде.

²¹ Подробнее см. в статье: Григорьева Т.П. Встреча с Гумбольдтом — встреча времен // Иностранная литература, № 8, 1987. С. 213—236.

²² Эрн В. Борьба за Логос. М., 1911. С. 256.

²³ Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. Париж, 1939. С. 35.

²⁴ Цит. по: Независимая газета. 1993. 23 июня.

²⁵ Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. Париж, 1939. С. 157.

Характерно, что сторонники обновления во имя свободы, как правило, обращались к восточным учениям, к буддизму, Дзэн, воспринимая их упрощенно. И почему-то забывали о собственных пророках недавнего времени, таких, как Томас Карлейль (1795—1881), который предлагал отказаться от обветшалой «одежды» (устаревших норм, учреждений), но вернуть себе чувство благоговения перед вечными законами Бытия, которые выше всякого знания: «Знай за истину, что лишь Тени Времени погибли или могут погибнуть; что истинная Сущность всего, что было, всего, что есть, и всего, что будет, есть всегда и навеки...»²⁶ В основе Бытия лежит моральный Закон: когда человек пренебрегает им, то ввергает мир в Хаос, следуя ему — направляет сущее к Благу. Если люди не способны видеть «внутреннюю гармонию вещей», ставят свои мелкие заботы выше истины, мужества и справедливости, «тогда поднимаются страшные вихри». Единственная реальность — Божественный Разум, все остальное — призрачный мир феноменов. Но «трансцендентное видение» доступно немногим, отрешившимся от себя. Они и выводят мир из Хаоса. «Как для каждого отдельного индивидуума, так и для общества дело сводится только к тому, чтобы открыть истинные регуляторы вселенной, вечные законы природы в связи с данной в каждый момент задачей и действовать в соответствии с ними»²⁷. И о том же говорит древний Ицзин, судя по всему, неизвестный Карлейлю.

Насколько созрела потребность приобщения к извечному, свидетельствуют, вслед за Карлейлем, американские «трансценденталисты» — Торо и Эмерсон. Первый из них писал: «Китайский философ (Конфуций. — Т.Г.) был очень мудр, считая человека основой империи. Является ли демократия, какой мы ее знаем, последним возможным усовершенствованием формы правления?.. Никогда не будет подлинно свободного и просвещенного государства до тех пор, пока оно не начнет признавать личность как высшую и независимую силу, из которой слагается все могущество государства»²⁸. И продолжает: «В конечном счете священо лишь одно — неповторимость твоего собственного духовного мира».

Эмерсон был уверен в родстве души и материи: нравственный закон всеобщ, он есть сущность всякого существа, всякого отношения: «все вещи наделены моралью». Значит, те, кто разрушают Природу, разрушают собственную душу, и неминуемо отторгаются Бытием.

И все же на Западе это были единицы, прозревшие Истину, в отличие от России, где дух обрел реальные формы, воплотившись в идеях всеобщего родства Н. Федорова, «положительного всеединства» Вл. Соловьева, софиологии и богочеловечества. Русских философов можно объединить словами Эрна: «Или прогресса нет, или же он есть усвоение абсолютного». Ими двигала вера в мессианское назначение человека: «Внутренно личность получает

²⁶ Карлейль Т. Сартор Резартус (Заплатанный портной). М., 1904.

²⁷ Карлейль Т. Герои, почитание героев и героическое в истории. СПб., 1908.

²⁸ О Генри Торо и Ральфе Эмерсоне см. в серии «Новые пророки». СПб., 1996. С. 20.

силу и освобождается через богочеловечность, внешне весь мир, все общество и вся история преобразается и освобождается через человечность»²⁹.

И опять русская мысль сближается с восточной мудростью, и вовсе не через знакомство с ней, а через приобщение к единой Истине, через наитие, интуитивное, мистическое постижение извечных законов. Вряд ли Бердяеву были известны слова Конфуция о «человечности» (жэнь). На вопрос, что такое «человечность», Конфуций ответил: «Преодолеет себя, вернуться к ли (учтивости) и значит жэнь. Когда однажды человек преодолевает себя и вернется к ли, в мире возродится человечность. Но этого можно достичь лишь самому, не с помощью других»³⁰. Когда Конфуция спросили, можно ли всю

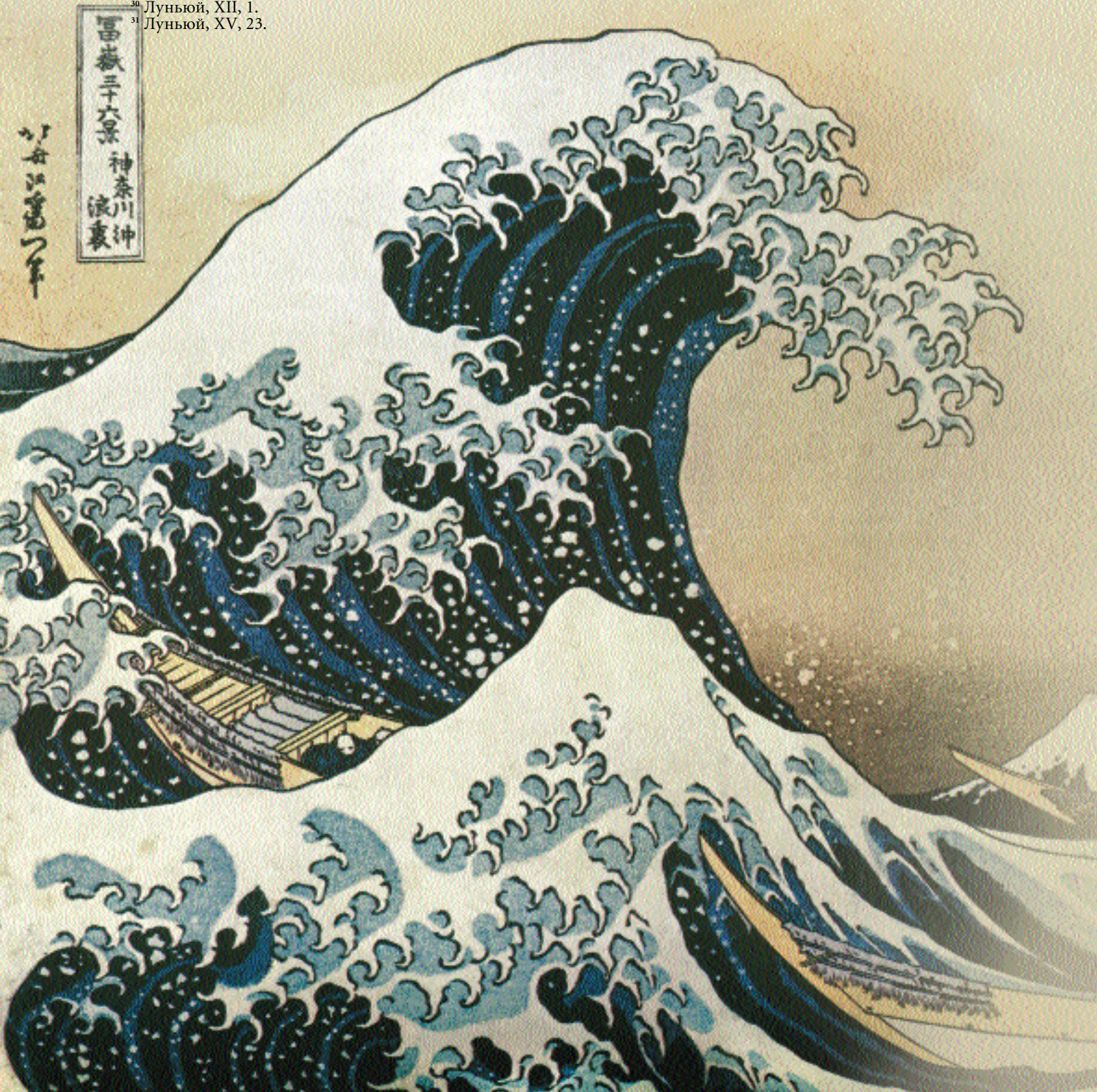
жизнь придерживаться одного, он ответил: «Это сочувствие (согласие, терпимость). Не делай другому того, чего не желаешь себе»³¹. Собственно, уже в написании иероглифа «жэнь» содержится его смысл: элемент «человек» и «два», т. е. человек призван соединять два в одно, в согласованное целое — гармонизировать мир. Но для этого он должен «преодолеть себя», свое эго, заикленность на себе.

Но почему же так получилось, что человечество пошло не по пути праведников, а совсем в противоположную сторону и уже не знает, как выбраться из создавшегося положения, которое называет «ужасом истории», «несчастливым сознанием», саморазрушающейся цивилизацией? Может быть, действительно нужно было пройти через все

²⁹ Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. Париж, 1939. С. 41.

³⁰ Луньюй, XII, 1.

³¹ Луньюй, XV, 23.

круги ада, чтобы узнать цену свободы? Теперь настала ситуация Великого Предела, и человеку предстоит сделать выбор: подниматься вверх, освобождаясь от груза грехов, или смириться и падать дальше вниз? Но и падать дальше некуда. Значит, хочешь не хочешь, придется поднатужиться, благо есть на что опереться. Наши предшественники сделали все возможное, даже более того. «Свобода бытия повела к отпадению от Абсолютного Разума и к образованию стихии иррациональной и хаотической... Но отпадение не есть полная потеря связи с Абсолютным Разумом, с Логосом. Всякое знание абсолютного бытия есть акт самоотречения отпавшего индивидуального разума во имя Разума универсального». Бердяев не случайно стремится возбудить интуицию, или божественное знание, заложенное в каждом: «Созерцание вечных идей как реальностей дается лишь в мистическом акте самоотречения, погружения в Абсолютное... Только в приобщении к Абсолютному Разуму постигается смысл целого... Разум по природе своей интуитивен, а не дискурсивен»³². Иначе Вл. Соловьеву не открылась бы истина о трех силах, действующих в истории, о том, что существовало мнимое единство, мнимое множество и что Истинная Свобода — вне этих двух; а всей русской философии того замечательного века — что каждый человек «онтологически первичен».

Может быть, впервые в России преодолена антропоцентрическая модель, веками направлявшая западный мир по пути борьбы и власти. Отречься от себя мнимого, греховного во имя истинного, внутреннего человека. И это достижимо потому, что в каждом есть свет нетварный, «искра божья» — по Экхарту, «неуничтожимая душа» — по китайским учениям. И разве не созвучны идеям Бердяева взгляды дзэнского философа XX века Нисида Китаро: «Наше истинное Я есть основная субстанция универсума, и когда мы узнаем свое истинное Я, мы не только становимся едины с большей частью человечества, но сливаемся с субстанцией универсума, сообщаемся в духе с Божественным Разумом»³³. Т. е. человек не «центр» мира, данный ему в исправление, а его посредник, теург, призванный восстановить прерванную связь Земли с Небом, о чем возвещают мудрецы Китая и Японии и что открылось русской философии начала века. «Человек может и должен явиться действительным посредником между двумя мирами, той точкой, в которой оба мира реально соприкасаются... а без этого, без признания за человеком назначения утвердить царство свободы в царстве необходимости не может быть осмыслен процесс вселенского освобождения, ибо это освобождение совершается и должно совершаться через людей»³⁴. Если в разные времена, разделенные тысячелетиями, в разных странах света возникают независимо одни и те же

идеи, значит, они истинны. Потому и говорят мудрецы: «Все пути ведут к одному».

Итак, путь преодоления Хаоса вовне — через преодоление хаоса в себе, через очищение сознания. Просветленный ум сердечен, прозрачен, открыт всему. Преображенный человек — «разумный и гуманный» — пребывая в царстве свободы, освобождает все живые существа. В буддизме Махаяна его называют бодхисаттвой. В христианстве это святые отцы, духовидцы, — «милующее сердце», как назовет их Исаак Сирий: «Я был спрошен, что такое сердце милующее, и сказал: возгорание сердца у человека о всем творении, о человеках, о птицах, о животных, о демонах и всякой твари»³⁵.

Хаотическое же состояние есть переменное, но неизменное свойство вещества, того, что лишено души, индивидуальных черт, чья свобода разрушительна (свободные радикалы, стихийные бедствия). Стихии подвержено и непросветленное массовое сознание (склонность к бунту, террору, национальным распрям, войнам, массовому психозу). Иерархия людей обусловлена степенью их духовной продвинутости. Говоря словами того же Преп. Исаака Сирина: «Спаситель многими обителями у Отца назвал различные меры ума водворяемых в одной стране, т. е. отличия и разность духовных дарований, какими наслаждаются по мере ума. Ибо не по разности мест, но по степени дарований назвал Обители многими»³⁶.

От угрозы самоистребления общество избавляется по мере того, как перестает быть однородной массой (о чем писал Лев Толстой). Т. е. само общество должно беспокоиться о том, чтобы каждый человек нашел путь к себе, стал личностью. Но этого можно и не дожидаться. Пока что стихия разрушения обретает столь угрожающие для планеты масштабы и формы, что ни наука, ни культура не могут оставаться в стороне, не пытаясь осознать и остановить эти процессы. Т. е. им предстоит решать теургическую задачу, что, собственно, и происходит в научном мире. Возникает метанаука, синергетика, которая, может быть, впервые соединяет две глобальные функции: созерцания, наблюдения (инь) и мягкого действия, корректирования (ян: без инь нет ян), что позволяет воспринимать явления целостно, через одно проникая в другое, рассматривая законы не только физического мира, но и то, от чего он зависит. И уж наверняка от чего зависит существование или несуществование социального организма³⁷. Такие регуляторы человеческой жизни, как культура, искусство, экономика, не могут быть осмыслены вне Целого, вне человека, вне психологии. Потому проблема хаоса или стихии приобретает в наше сжатое Время чрезвычайное значение. Кто кого!

³² Бердяев Н.А. Философия свободы. М., 1989. С. 120—121.

³³ Нисида Китаро. Дзэн-но кэнкю (О природе Добра). Токио, 1924. С. 261.

³⁴ Эрн В. Борьба за Логос. М., 1911. С. 200.

³⁵ Исаак Сирий. Сердце милующее. В кн.: Христианская жизнь по Добротолубию. М., 1991. С. 37.

³⁶ Там же. С. 17.

³⁷ Об изменении научной методологии высказывался Нильс Бор: «...Мы должны обратиться к совсем другим областям науки, например к психологии или даже к особому рода философским проблемам; это те проблемы, с которыми уже столкнулись такие мыслители, как Будда и Лао-цзы, когда пытались согласовать наше положение как зрителей и как действующих лиц в великой драме существования» (Бор Н. Атомная физика и человеческое познание. М., 1961. С. 35).